

ВОСПИТАННИК СИЛЬВЕСТРА

Благодаря усилиям нескольких поколений исследователей собран достаточно богатый и разнообразный материал о преобразованиях 50-х годов, которые так заметно изменили и характер русской государственности, и положение различных социальных слоев русского общества. Имеющиеся в нашем распоряжении источники (и прежде всего официальная летопись того времени) позволяют очень конкретно представить внешнюю сторону жизни Ивана IV в эти годы. Царь лично участвовал в походах на Казань 1549/50 и 1552 годов (что ставил ему в заслугу даже такой его враг, как Курбский), принимал иностранных послов, постоянно присутствовал на заседаниях Боярской думы, выступал на церковных соборах. Без царя не принималось ни одно важное решение, и то, что на протяжении 50-х годов

было проведено так много серьезных реформ, явилось, несомненно, и его заслугой. Все эти материалы, однако, никак не позволяют судить о личном участии царя в происходящем, о его внутренней, духовной жизни в эти годы. Следовал ли царь мнению своих советников, проявлял ли сам инициативу или, наоборот, советникам приходилось постоянно преодолевать его противодействие? Ответить на эти вопросы имеющиеся материалы не позволяют. В очень подробном изложении официальной летописи 50-х годов лишь один раз говорится о решении, принятом самим царем: он лично возглавил войско в походе на Казань в 1552 году вопреки мнению некоторых советников, предлагавших царю остаться дома.

Очень узок круг и тех материалов, которые позволяли хотя бы сложным обходным путем составить представление о том круге идей и представлений о власти, которые воздействовали в конце 40-х — 50-х годах XVI века на сознание молодого правителя. Прежде всего речь должна идти о тех идеях и представлениях, которые отразились в сочинениях царского наставника — священника московского Благовещенского собора Сильвестра.

Позднее, в одной из редакций официального летописания, созданной в 70-е годы XVI века, Сильвестр был охарактеризован как всемогущий правитель Русского государства, подчинивший царя своему влиянию: «Бысть же сей священник Селиверст у государя в великом жаловании и в совете в духовном и в думном, и бысть яко всемогий, вся его послушаху и никто не смеяше ни в чем же противиться ему ради царского жалования, указываше бо и митрополиту... и спроста реши всякие дела святительские и царския правяше и никто же смеяше ничтоже сътворити не по его велению, и всеми владаше обема властьюми, и святительскими, и царскими, яко же царь и святитель». Исследователи справедливо отмечают, что эта характеристика полна тенденциозных преувеличений. В частности, все, что мы знаем об отношениях Сильвестра с митрополитом Макарием, не позволяет даже предполагать, что в каком-то деле благовещенский священник мог что-то указывать главе церкви.

Вместе с тем деятельность Сильвестра далеко выходила за рамки того, что мог позволить себе рядовой священник, даже если бы он и являлся царским духовником. В этом плане весьма показательны, что один из наиболее знатных представителей московской аристократии (его род уступал по своему значению только близким родственникам царя по отцу — князьям Бельским и Мстиславским), князь Александр Борисович Горбатый-Шуйский, первый наместник покоренной Казани, нашел нужным обратиться к Сильвестру с просьбой о совете, как управлять покоренным краем, и Сильвестр написал ему подробные рекомендации по разным вопросам. Само послание Сильвестра заканчивалось предложением прочесть его текст «прочим государским воеводам... и священному чину и хрис-

тоименитому стаду». Все это дает основания говорить о Сильвестре как о человеке, пользующемся особым доверием царя (иначе казанский наместник не стал бы обращаться к простому священнику) и погруженном в обсуждение разных проблем конкретной политики. Очевидно, эти проблемы обсуждались им и в беседах со своим духовным сыном. Поэтому отраженные в сочинениях Сильвестра представления о положении и обязанностях правителя имеют для нашей темы особый интерес: именно этими представлениями должен был руководствоваться монарх в первые годы своего общения с Сильвестром.

Другой важный источник, который позволяет нам проникнуть во внутренний мир Ивана IV, — сам образ правителя, как он обрисован на страницах официальной летописи 50-х годов — так называемого «Летописца начала царства». По общему мнению исследователей, летопись составлялась при участии другого ближайшего сподвижника царя тех лет — Алексея Адашева. Однако нет сомнений, что первым ее читателем был сам царь, и образ, созданный летописцем, соответствовал тому образу, в котором царь хотел быть увиденным своими современниками.

И, наконец, третий источник — это уже неоднократно цитировавшаяся речь царя на Стоглавом соборе 1551 года. В ней мы находим высказывания самого Ивана о себе и своей власти. Они достаточно кратки, но свидетельства первых двух источников могут служить достаточным комментарием, который позволит раскрыть их смысл.

Сильвестр вряд ли приобрел бы такое сильное влияние на молодого монарха, если бы ограничился только призывами покаяться и исправить причиненное им зло, не давая никаких советов, как это сделать. Неудивительно, что целый ряд таких советов мы находим даже в послании, посвященном борьбе с «содомским грехом», хотя тема не требовала обстоятельного разговора об обязанностях правителя.

Сам текст послания открывается словами, в которых Сильвестр напоминает своему духовному сыну о его главных обязанностях как правителя: «Напязи и спей, царствуй, истины ради и кротости и правды».

Что Сильвестр понимает под «правдой», выясняется из последующего текста, обращенного к царю: «Престол твою правдою и крепостию и судом истинным утвержен есть». Таким образом, важнейшей обязанностью правителя является «справедливый», нелицеприятный суд. Подчеркивая важность этой обязанности правителя, Сильвестр писал, что сам премудрый Соломон «единого проси у Христа, еже в своем царствии разсудити людия своя в правду». Истинный праведный суд должен был урочевать пороки общества, долгое время жившего в условиях беззакония, практиковавшегося боярскими правителями.

Истинный суд — это очень много, но это еще не все. Сильвестр, вероятно, хорошо знал слова Иоанна Златоуста, что «милость да без правды малодушество есть, а правда без милости мучительство есть». Не случайно в своем послании он нашел нужным указать молодому монарху на высокое достоинство человека, апеллируя к авторитету самого Христа, который называет своих учеников не «рабами», но друзьями. «Не стыдится бо Христос,— писал он, обращаясь к царственному читателю, — и братию нарицати нас». Поэтому наряду с «правдою» важнейшей чертой хорошего правителя является «кротость». Уподобляя Ивана IV, как избранного Богом монарха, библейскому царю Давиду, Сильвестр одновременно пояснял, что Давид «от естества бяше незлобив, прост и кроток и благодушен и чист». Такое уподобление было для Сильвестра совсем не случайным. Характерно, что он снова вернулся к этому сравнению в своем послании князю Александру Горбатову. Давид, писал он, заняв трон после смерти преследовавшего его Саула, «не точию не уби никого же от рода его, но и множае... вяшшее милованье преподаст» и за это был вознесен в похвалах всего народа. Так и Иван IV оказал милость сыновьям побежденных казанских царей, щедро наградив их и допустив их к своей царской трапезе. «Велико дело содела благочестивый великий царь, еже любити сыны врагов своих». Таким образом, последовать Давиду царь должен был прежде всего в «кротости», которая находила свое выражение, в частности, в милости по отношению к врагам. Уже на этом примере видно, что подробные наставления Сильвестра казанскому наместнику проливают свет на более краткие и сжатые высказывания в его послании, обращенном к царю. Сильвестр неоднократно указывает казанскому наместнику на необходимость оказывать «милость» подвластным людям. «Аще хочещи о себе Бога милостива, милостив буди о послушных ти сам». «Тако ж, господине мой, князи и властели, — читаем в ином месте, — милование и заступление и правду покажите на нищих людех».

Таким образом, «правда» (нелицеприятный, праведный суд) и «кротость» (или милость) — вот те средства, с помощью которых правитель должен был установить порядок в своем государстве и исцелить общество от его моральных недугов.

Сильвестр был не единственным человеком, наставлявшим в те годы Ивана IV. В 1548 году и Максим Грек послал митрополиту для передачи царю свои наставления — «Главы поучительны начальствующим правоверно», а затем и еще одно послание, в котором развивались некоторые из мыслей, заключенных в «Главах». Многие в высказываниях греческого книжника находило прямую аналогию с тем, чему учил молодого царя Сильвестр. Это не должно удивлять. Обоих современников, по-видимому, связывали дружеские узы. Сохранилось письмо, которое Максим Грек адресовал «во искусстве и разуме боговдохновенных писаний изящному разсудителю господину Селивест-

ру и благодетелю моему». Не исключено, что и свои «Наставления» Максим Грек написал по просьбе благовещенского священника.

Ссылаясь на авторитет «Менандра Философа» (под этим именем скрывался автор знаменитых греческих комедий эпохи эллинизма, но люди Средневековья об этом не знали), он писал, что правитель, желающий достигнуть славы и долговечности своего царства, должен, прежде всего, быть носителем «правды», а «правда», объяснял ученый афонец, это — «прав суд, иже не на лице тяжущих смотрит, ниже мзды приемлет». Во-вторых, он должен вести «чистую жизнь», подчиняя свои страсти действиям разума, и в-третьих, ему должна быть присуща «к подручником кротость растворенна с устрашением государским на исправление их, а не на погубление». «Иже теми сими добродетельми править жизнь свою, суще воистину царь православен».

Царь, писал Максим Грек, должен править «правдою и целомудрием, смыслом же, мужеством, кротостию и щедротами, благочестием же и человеколюбием». Благоверный царь стремится в своих деяниях уподобиться «высшему царю» — Богу, «всякою правдою, человеколюбием же и кротостию, яже к подручником».

Из этих общих моральных наставлений вытекали некоторые уже практические советы. «Такожде и сушая у тебе пресветлая князи и боляре и воеводы преславныя и добляя воины и почитай, и бреги, обильно даруй, их бо обогащая, твою державу отвсюду крепиши и отражаеши».

Такому идеальному образу на страницах писаний Максима Грека противостоял образ правителя, который занят «неправдою и хищением чужих имений и стяжаний». Такой правитель приведет к гибели свое государство. Сам Бог будет мстителем за тех обиженных, чье имущество присвоит такой правитель. Доказывая правильность своих советов, греческий книжник обращался к опыту истории. Бог возвысил персидского правителя Кира, хотя и идолопоклонника, «за превеликую правду и кротость и милосердие его к подручником своим», которые называли Кира своим отцом. А на православную Византийскую империю пал Божий гнев, так как ее последние правители «хищашу неправедно имения подручников, презираху своя боляры в скудости и лишении потребных живуще». Эти суждения «премудрого» греческого книжника явно оказали воздействие на молодого правителя. Выступая перед Стоглавым собором в начале 1551 года, он говорил о причинах гибели великих царств прошлого «ови за гордость, и ины за братоненавидение и за насилие ко своим».

В хоре авторитетных наставников звучал и голос самого главы русской церкви митрополита Макария. В 1552 году он писал царю: «Да подшиися сохранити сия еуагельския четыре заповеди: храбрость, мудрость, правду, целомудрие и потом суд праведный и милость согрешающим».

Эти рекомендации целесообразно соотносить с тем образом моло-

дого царя, который выступает на страницах летописных текстов того времени. Наиболее ранний из них — рассказ архимандрита Новоспасского монастыря Нифонта о походе на Казань в 1550 году. В этом походе, по его словам, царь «не яко царь учинися, но яко чадолюбивый отец всех людей брегоша сам, а егда кто от глада изнемог, он же повеле их от своего корму питати». Несомненно, создавая такой образ государя, влиятельный и близкий ко двору автор изображал Ивана IV таким, каким тот хотел себя видеть.

В еще большей степени это можно утверждать относительно образа государя, созданного на страницах «Летописца начала царства» — официальной летописи, составленной по заказу самого царя.

На страницах «Летописца» царь Иван IV выступает как правитель, глубоко осознающий свою ответственность за судьбы подданных. В его молитве, обращенной к Богу, говорится о возложенной на него Богом обязанности «еже пасти» своих подданных «от всех зол находящихся на ны и всякая нужна их исполняти: бо сей есть пастырь добрый, иже душу свою полагает за овца». Именно желанием положить душу за своих подданных, добиться их избавления от татарской опасности и освобождения тех, что еще томятся в татарском плену, объясняется в летописи решение царя лично возглавить поход на Казань. Именно в этом контексте на страницах летописи появляются слова, что царь «еще просит у Бога и всем свободы».

Не один раз летописец подчеркивает, как щедро царь жалует своих воинов: так что «в предних (то есть более ранних, древних. — Б.Ф.) летописцах таких расходов не пишет», то есть в своей щедрости к воинам царь превосходит своих предшественников.

Огромны по размеру дары, которыми он оделяет воевод и воинов после взятия Казани — собольи шубы, бархатные ткани, кубки, кони, доспехи — всего на 48 тысяч рублей, «оприч вотчин, поместей и кормленей».

Но щедрость к воинам — лишь одно из качеств, украшающих Ивана IV. Он предстает как государь «целомудренный в разуме (то есть господствующий над своими страстями, подчиняющий их разуму. — Б.Ф.), храбрый в воинстве, светлоприветливый и податный к поручным ему от Бога». В военном лагере под Казанью после прибытия туда Ивана IV «людие все радуются и прославляют Бога, еже дарова им такова государя благочестива и благоразумна и долготерпелива к согрешающим».

Эти идеальные качества правителя не только декларируются, но и раскрываются на конкретных примерах. Наибольший интерес представляет рассказ о том, как во время сбора войска в Коломне перед выступлением в поход на Казань к царю обратились с «челобитьем» новгородские помещики. Они заявили, что находятся на службе в Коломне уже с весны и не в состоянии идти в далекий поход на Казань. Мы помним, как совсем недавно молодой царь ре-

гировал на не угодные ему «челобитья» новгородских пищальников и псковских горожан. На сей раз все было иначе. Хотя «челобитье» новгородских помещиков причинило государю «немалую скорбь», он предложил им самим решить, кто добровольно пойдет с ним под Казань, обещая тех «жаловать и под Казанию перекормити», а тем, кто не в состоянии идти далее в поход, разрешил оставаться в Коломне. Более того, царь предложил новгородским помещикам рассказать о своих «нужах, да вперед уведает государь всех людей своих недостатки».

Итак, на страницах летописи выступает царь, подчиняющий свои страсти голосу разума, готовый жертвовать своей жизнью ради блага подданных, щедро жалующий их за заслуги, внимательный к их нуждам и снисходительный к их проступкам. Очевидно сходство этого образа с тем образом идеального правителя, который выступает в адресованных царю наставлениях. Царь явно желал походить на этот образ, желал, чтобы в нем видели такого правителя.

Духовные лица — наставники царя, призывая его к «правде» и «кротости» в отношениях с подданными, доказывали, что тем самым он совершает дело, угодное Богу, который возвысит его и его государство. Они совсем не касались вопроса, как будут в этом случае складываться отношения между монархом и его подданными.

Ответ на этот вопрос мы находим на страницах официальной летописи. Рассказав о небывалой ранее, не отмеченной «в предних летописцах» щедрости правителя к своим воинам, летописец продолжает: «И видев такую его любовь и жалованье, и на всяк час попечение о людех, порученных ему от Бога, все почали тщитися как за Бога за него государя, пострадати». В ином месте после рассказа о том, как царь заботится о «порученных ему от Бога», снова читаем: «на потеху и на ловы (охоту — любимое развлечение средневековых воинов. — Б.Ф.) не так текут люди, яко же к смерти за благодать Божию и государя нашего любовь и урядство». Стоит отметить в этой связи и концовку рассказа о «челобитье» новгородских помещиков. Когда царь обещал их «жаловать» и стал расспрашивать об их «нужах», то они добровольно согласились идти в поход, полагаясь на заботу царя о них: «государь наш промысленник, zde и там нами промыслит».

Таким образом «кротость» государя и его «жалованье» своим подданным приводят к тому, что подданные самоотверженно выполняют приказы своего государя и ради этого готовы пожертвовать своей жизнью.

Так представлял себе идеальные отношения монарха и подданных составитель официальной летописи — Алексей Адашев; так, очевидно, готов был смотреть на них и заказчик летописи — молодой царь.

При такой гармонии интересов было вполне естественно, что мо-

наrx обращается за советом к подданным и привлекает их к участию в решении государственных дел. В этом смысле очень интересны некоторые пассажи в наставлениях Сильвестра казанскому наместнику. Он предлагал князю Горбатову несмотря на его блестящие победы над татарами «не превозноситься мыслию». «Господине, — писал он, — тшися мудрость жительницу имети, но ту стяжавшаго с любовью всякою почитай». В другом месте своего послания Сильвестр советовал наместнику и его подчиненным: «Печалуйтесь о общем народе... миром и любовью и совещанием». Иными словами, наместник должен окружать себя мудрыми людьми и советоваться с ними при решении дел.

В сочинениях Курбского то, что Сильвестр рекомендовал наместнику, относится уже к особе самого царя: «Царь, аще и почтен царством, а дарований которых от Бога не получил, должен искати добраго и полезнаго совета не токмо у советников, но и у всеродных человек».

Правда, такие слова Курбский написал уже в 70-х годах в вынужденном изгнании, но в середине столетия сам молодой царь был близок к подобным взглядам. В своей речи перед Стоглавым собором, обращаясь к присутствующим, царь говорил: «И вы, господие и святые святители и весь священный собор, тако ж и братия моя, вси любимии мои князи и бояре, и все православное христианство помогите мне и пособствуйте».

Прежде всего наставники предлагали царю искать советы и поучения у митрополита и епископов. В своем послании Максим Грек так писал Ивану IV о лицах, стоявших во главе русской церкви: «Сице убо почитай их и бреги и полезная богохранимой державе твоей советующих послушай, сих бо слушая, самого Спаса и Царя твоего Иисуса Христа слушаешь». В соответствии с этими советами молодой монарх, в первую очередь, искал совета и поддержки у церкви. По благословению митрополита и святителей царь приказал начать работу над Судебником, «чтоб был праведен суд», а когда работа над Судебником была завершена, представил его на рассмотрение церковных иерархов: «Се судебник перед вами... прочтите и разсудите».

В своей речи перед Стоглавым собором он просил собравшихся отцов: «Мене, сына своего, наказуйте и просвещайте на всяко благочестие... и мы вашего святительского совета и дела требуем и советовать с вами желаем». При этом царь зашел даже дальше того, что советовали его наставники. Называя отцам собора имена почитаемых святых, подвергшихся гонениям византийских императоров — иконоборцев, но не отказавшихся от поклонения иконам, царь напоминал об их обязанности «никако не послушати» и «даже смерти восприяти» от лиц, облеченных властью, если те потребуют что-либо делать «не по правилам святых отец». Если он захочет совершить что-

либо подобное, говорил царь, обращаясь к духовным иерархам, «вы о сем не умолкните, аще преслушник буду, воспретите мне без всякого страха».

В свете приобретенных им представлений о роли и обязанностях православного царя Иван IV готов был воспринимать некоторые поступки, совершенные его предшественниками, как дурные, не соответствующие этому идеалу, и задумывался над тем, как исправить причиненное этими поступками зло.

Андрей Михайлович Курбский, молодой аристократ из рода Ярославских князей, только начинавший в начале 50-х годов свою военно-административную карьеру, но уже тогда принадлежавший к кругу интимных друзей царя, записал высказывания монарха, относящиеся к этому времени: «Аз от избяенных от отца и деда моего, одеваю гробы их драгоценными оксамиты и украшаю раки неповинные избяеных праведных».

Наставники могли быть довольны своим воспитанником. Он прилежно усвоил их уроки и старался действовать в соответствии с их советами. Один из этих наставников, Максим Грек, не замедлил вскоре выразить свое удовлетворение, прибегнув при этом ко всему стилистическому многообразию византийской риторики: «Утишила же и при тебе, благовернейший самодрѣжче наш, — писал он, обращаясь к Ивану IV, — от различные злобы и неправодельства велеименитая страна всяя Руси... славние князи и велможи възлюбят всякую правду, повинующеся твоим праведнейшим уставом и велением, взирающее на твое человеколюбнейшее изволение, якоже на доброту одушевленную и образ самыа божественнаа благности».

Но доволен был и монарх. Наставники обещали, что, если он последует их советам, Бог проявит свою милость по отношению к нему и его земле. Главным свидетельством такой милости должны были стать победы русской рати «над погаными». «Не изнемогут, — писал Сильвестр царю, — оружии твои... и грады поганых тебе не затворятца». И действительно вскоре после того, как царь последовал этим советам, русские войска овладели Казанью. И разве успешное начало реформ и самоотверженность, проявленная всеми (от вельмож до простых воинов) в трудной и тяжелой борьбе за Казань, не свидетельствовали о том, что «правда» и «кротость» позволили монарху действительно объединить подданных вокруг своей особы и побудить беспрекословно выполнять его повеления?!

Оценивая прошедшее в исторической перспективе, можно констатировать, что и молодой монарх, и его близкий друг Адашев — создатель «Летописца начала царства» заблуждались, связывая достигнутые успехи прежде всего с правильной линией поведения, избранной монархом по отношению к его подданным. Сплочение правящей элиты вокруг трона было результатом потрясений конца 40-х годов XVI века, убедивших ее в необходимости реформ, чтобы избежать на-

двигающейся катастрофы. Небывалая же консолидация всего общества в годы Казанской войны (официальный летописец имел все основания вложить в уста царя слова, что долгожданная победа была достигнута «всего нашего воинства страданием и всенародною молитвою») вызывалась тем, что все общество объединилось для решения важнейшей национальной задачи.

Как только эта задача была решена и одновременно достигнута определенная стабилизация внутривполитического положения, противоречия между отдельными частями общества и между группировками в составе правящей элиты не замедлили проявиться, и идеальная модель отношений монарха и подданных, в реальность и действенность которой молодой царь поверил, оказалась в остром противоречии с действительностью.